

свѣщеніе душъ нашихъ то, что (написано) имъ и прочими преемниками его благодати и нашими божественными Отцами, по мѣрѣ силъ, скажемъ, уступая вашей просьбѣ. Попробуемъ поговорить обо всемъ, что совершается въ предложеніи и на жертвенникѣ, стараясь, по мѣрѣ силъ, открыть, какой смыслъ имѣетъ каждое (священное дѣйствіе). Начинаемъ говорить во имя Христово.

47. Что знаменуетъ низшествіе святителя съ кафедры и священныя одежды и облеченіе въ нихъ?

Иерархъ сходитъ съ кафедры своей,—что знаменуетъ низшествіе Бога,—и, совершивъ троекратное поклоненіе Богу, испрашиваетъ благодати и силы на совершеніе божественной (службы), — чѣмъ выражаетъ, что онъ — служитель Божій и Его силою служить тайнамъ Его. Потомъ облачается въ священныя одежды, и именно — въ семь одеждъ, по числу семи дѣйствій Духа. А именно: стихарь (подризникъ), епитрахиль, поясъ, поручи, епитонатій, фелонь, или саккосъ, или полуставрій, и, наконецъ, омофоръ. Всѣ вмѣстѣ, онѣ знаменуютъ вочеловѣченіе Христово и все, что къ (тайнѣ) вочеловѣченія относится; въ отдѣльности же каждая имѣетъ свое особое значеніе. Стихарь, обыкновенно бѣлый, знаменуетъ свѣтъ и чистоту Божию, и то, что (Господь) создалъ и принялъ на Себя природу нашу чистою. Если же онъ пурпуровый, то указываетъ на страданія, на то, что вочеловѣ-

чившееся Слово пролило ради насъ кровь свою. Бывающіе на подризникѣ (такъ называемые) источники знаменуютъ дары ученія, а также и потоки крови Спасителя нашего. Поэтому только архіерейскій стихарь имѣетъ ихъ, равно какъ и мантия. Мантия сама по себѣ изображаетъ промыслительную и всесодержительную и всеохраняющую благодать Божію, какъ одежда, охватывающая и обнимающая все тѣло; а источники (означаютъ) различныя струи ученія, вѣчно источаемыя двумя завѣтами—ветхимъ и новымъ, которые знаменуются скрижалями, указующими, сверхъ того, и на открытое въ груди, т. е., въ сердцѣ, вѣдѣніе евангелія Христова, которое и при рукоположеніи (святитель) воспринималъ на голову открытыми писъменами. Сюда могутъ быть отнесены и слова: *вѣруй въ мя, (якоже) рече (писаніе), рѣки отъ чрева его истекуть воды живы (Іоан. 7, 38)*,— то есть, дѣйствія Духа, какъ учитъ само священное Евангеліе, когда говоритъ: *сіе же рече о Дусѣ, егоже хотяху приимати вѣрующіи во имя его (Іоан. 7, 39)*, — прибавляя, чтобы показать, что мы приедемъ благодать, а не природу Духа: *не у бо бѣ Духъ Святыи, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ (Іоан. 7, 39)*. Что оно внушаетъ, говоря: *не у бѣ Духъ Святыи? Онъ и былъ, и есть, и будетъ по естеству и вчюстаси, и всегда есть источникъ дарованій. Но еще не были сообщены дарованія Его, потому что еще не была принесена крестная жертва: ибо это-то и значать слова:*

яко Иисусъ не у бѣ прославленъ,—такъ какъ крестъ—слава Христова.

48. Объ архіерейской мантии, панагіи и пастырскомъ жезлѣ.

Итакъ, когда уже Христосъ принесъ Себя въ жертву за насъ, умеръ, воскресъ и восшелъ на небо; тогда сошелъ Духъ и мы получили благодать, и изъ сердца вѣрныхъ текутъ рѣки даровъ (Его): это-то и означаетъ мантия. А крестъ, или панагія (енколпій), висящіе на груди архіерея, суть какбы печать и свидѣтельство вѣры. Они за тѣмъ и (вѣшаются) на груди, чтобы (свидѣтельствовать) объ исповѣданіи вѣры сердцемъ. Жезлъ же, который архіерей держитъ, означаетъ власть Духа, силу утвержденія народа (въ вѣрѣ), пасенія душъ, путеводства, наказанія непокорныхъ, привлеченія къ себѣ отдаляющихся (поэтому-то онъ имѣетъ на верху ручки на подобіе якорей) и отраженія звѣровравныхъ и вредныхъ людей. Наконецъ, онъ знаменуетъ крестъ Христовъ, который есть вмѣстѣ и трофей Христовъ, которымъ мы и побѣждаемъ, и утверждаемся, и путеводимся, и пасемся, и запечатлѣваемся, и дѣтоводимся, и привлекаемся ко Христу, умерщвляя страсти, и прогоняемъ враговъ, и охраняемся во всемъ. А что ему предшествуетъ зажженный свѣтильникъ, то это означаетъ сіяніе благодати, пребывающей въ архіереѣ, и силу преподаванія ея чрезъ его посредство и (лицамъ) священнымъ, и всѣмъ прочимъ вѣрующимъ: такъ какъ всѣ дары во всѣхъ